

12-го Декабря минувшаго года, въ 12 часовъ дня, какъ было сообщено въ № Тобольскихъ губернскихъ вѣдомостей, по поводу 300 лѣтняго юбилея Сибири, въ актовой залѣ Тобольской гимназии устроено было литературное утро, посвященное воспоминанію о покореніи Сибири и первыхъ ея завоевителей. Въ томъ же № напечатана была программа чтеній, текстъ которыхъ и предлагается здѣсь.

1. Исторические свѣдѣнія о Сибири до покоренія ея Ермакомъ.

Триста лѣтъ тому назадъ, въ мрачные дни царствованія Ioапна Грознаго, въ эпоху казней и опадъ, въ январѣ 1583 года въ Москвѣ совершается великое историческое событие, имѣющее характеръ міроваго значенія: пришли сюда первые русскіе сибиряки изъ дружины Ермака, „битъ челомъ“ Грозному, поклониться ему „Сибирскимъ царствомъ“ и просить русскаго цара принять послѣднее подъ свою высокую руку. Этотъ 1583 годъ, мн. государи и мн. государыни, годъ знаменательный для всѣхъ сибиряковъ; онъ по справедливости долженъ считаться эрою для исторіи Сибири. Сибирь съ этого времени входитъ въ составъ великаго русскаго царства, составляетъ съ послѣднимъ неотдѣльное цѣлое; чрезъ послѣднее входитъ въ общую съмью культурныхъ народовъ и чрезъ послѣднее воспринимаетъ и проводитъ въ жизнь плоды европейской цивилизациіи, начинаетъ жить общечеловѣческою жизнью, общечеловѣческими интересами. Благодаря великому историческому событию, совершившемуся въ январѣ 1583 г., Сибирь тщательно и серьёзно изслѣдуется и изучается со стороны представителей знанія и науки, которые и начинаютъ постепенно раскрывать ея несмѣтныя природныя богатства и выводягъ изъ мрака неизвѣстности, покрывавшаго ее съ доисторическихъ временъ. До этого времени нѣтолько древнему классическому миру, во и народамъ новаго времени Сибирь была вовсе не извѣстна: они имѣли о ней самое темное, смутное и пеясное представлѣніе—Сибирь была для нихъ загадочной, миѳической страной.

Досужая фантазія грековъ и римлянъ рассказывала про нашу страну разного рода небылицы и басни. Отець истории Геродотъ, знакома вѣсъ съ обитателями Сѣверо-востока Европы, говорить, что за Уральскими горами жили Агриппеи, люди съ плоскими широкими лицами и приплюснутыми носами („вѣроятно, Калмыки“, думаетъ Карамзинъ). Агриппеи увѣрили (продолжаетъ свой наивный разсказъ Геродотъ) что за вими обитають люди съ козыми ногами, которые спятъ 6 мѣсяцевъ въ году. На востокъ отъ агриппеевъ жили исседоны. Эти послѣдніе вели ожесточенные войны съ миѳическими существами—грифами, которыхъ фантазія грековъ представляла въ видѣ полуульзовъ, полутицъ съ острыми огромными когтями и желѣзнымъ клювомъ. Грифы стерегли золото въ странѣ, где земля замерзаетъ 8 мѣсяцевъ въ году у нихъ исседоны и похищали золото.

Такими баснями о Сибири и ея обитателяхъ весь древній міръ и вся западная Европа питались вплоть до XVII вѣка, когда чрезъ Россію она начинаетъ мало-помалу прорѣтать свѣдѣнія о нашей странѣ болѣе основательныя и точныя.

Первые свѣдѣнія русскихъ о Сибири получались отъ новгородцевъ—этихъ смѣлыхъ, предпріимчивыхъ колонизаторовъ всего С.-В. Россіи. Въ XI вѣкѣ уже новгородцы прошли къ сѣвернымъ частямъ Урала, завязали торговыя спошнія съ обитателями Сибири югами и вотъ какія диковинки рассказывали они: „за рѣкою Печорой живутъ югры; югорские люди вѣмы и вмѣстѣ съ самойдою (самоѣдами) живутъ на сѣверѣ, а далѣе идутъ горы до самого моря, имъ же высота яко до небеси и въ горахъ тѣхъ раздается кличъ великъ и говоръ. люди, заключенные въ нихъ, сѣкутъ гору. И въ той горѣ просѣчено оконце мало. Въ это оконце невѣдомый народъ кричитъ что-то непонятное на своеи языкѣ, и когда видитъ, что его не понимаютъ, то показываетъ на желѣзо и знаками просить, чтобы сму дали ножъ или скіиру, за что онъ самъ даетъ теплые мѣхѣ“. Лѣтописецъ, такъ просто-дущно рассказывающій обѣ этомъ, видѣлъ въ этихъ странахъ людяхъ тотъ легендарный народъ, который за свою вечистоплотность загнанъ былъ Александромъ Македонскимъ „въ полнощная страны, въ горы высокія“, чтобы онъ не осквернилъ земли своею мерзостью. А этотъ легендарный народъ „вѣя всяку скверну: комары и муhi, кошки, змѣи.... и вся нечистыя скоты“ и мертвѣцовъ не погребалъ. „Богъ повелѣлъ Македонскому завоевателю загнать ихъ въ горы и

эти горы полуночныя обступили ихъ со всѣхъ сторонъ“. Рассказывали въ старое добroe время новгородцы и еще болѣе удивительные вещи про Сибирь: будто бы въ этой странѣ „спадаетъ туча и изъ этой тучи спадаютъ олены малы и бѣлки“, все равно какъ сиѣгъ или дождь у насъ. Такъ объяснялъ себѣ житель Новгорода обиліе пушиныхъ звѣрей въ сѣверныхъ странахъ нашей Сибири. Ходили и другие баснословные разсказы о Сибири, которые переданы были и западно-европейцамъ чрезъ одного умнаго иностранца, посѣтившаго Россію въ первой четверти XVI вѣка, барона Герберштейна. Послѣдній сообщаетъ, что при истокахъ рѣки Оби будто-бы жили черные люди, лишенные дара слова, которые приносили для продажи много жемчугу и драгоценныхъ камней. Называются эти люди „лукоморцами“; каждый годъ на день Святаго Георгія, 27 ноября, они умираютъ и потомъ оживаютъ, какъ лягушки, на слѣдующую весну около 24 апрѣля, на день того же Св. Георгія. „Когда наступаетъ имъ время умереть или заснуть, они складываютъ свои товары въ извѣстномъ мѣстѣ, а желающіе купить уносить ихъ, оставляя вмѣсто нихъ свои товары и дѣлая ровный размѣръ. Когда лукоморцы проснутся и найдутъ, что имъ сдѣлана несправедливая оцѣнка, тогда они начинаютъ войну съ своими сосѣдями. Тамъ же гдѣ то живуть и другие люди чудеснаго вида: у однихъ, какъ у дикихъ звѣрей, все тѣло поросло волосами; у другихъ вмѣсто человѣчихъ собачьи головы; у иныхъ совершенно нѣть шеи, на мѣстѣ головы находится грудь, ногъ нѣть, а есть длинныя руки. А въ рѣкѣ Техвинѣ (рѣка, конечно, миѳическая) есть одна рыба, съ головою, глазами, носомъ, ртомъ, руками, ногами и проч.; по виду совершенно человѣкъ, однако безъ голоса; она, какъ и другія рыбы, доставляетъ пріятную пищу“.

Рядомъ съ этими сказочными, баснословными данными о Сибири и ея обитателяхъ, не имѣющими никакого исторического значенія, тотъ же писатель даетъ намъ свѣдѣнія и весьма важныя. Онъ описываетъ намъ путь, по которому двигалась и распространялась русская колонизация С.-В. Европы и с. Сибири, пionерами которой являются отважные сыны „господина Новгорода“. Путь этотъ совершился по рѣкамъ нашей сѣверной системы: по Сухонѣ шли въ С. Двину, отсюда близъ Холмогоръ вступали въ р. Пинегу, которую шли 200 вер. Зѣсь перетаскивали лодки волокомъ въ $\frac{1}{2}$ в. на р. Кулой, по которой спускались въ Бѣлое море и держались берега до устья Мезени; потомъ Мезенью поднимая-

лись до устья рѣки Пезы (правый притокъ Мезени), шли Пезою, переваливали черезъ волокъ въ Цогольму; спустившись къ ея устью, входили въ Нечору, поднимались по постѣдней вверхъ до устья Щугура, а далѣе Щугуромъ достигали „Поясова Камня“, т. е. Уральскихъ горъ. „Потомъ на гору Камень нужно всходить три дня, спустившись съ нея идуть къ р. Сыгвѣ, оттуда къ крѣпости Лапинъ городокъ, а отсюда къ р. Сосвѣ. Оставивъ рѣку Сосву вправѣ, достигаешь р. Оби, которая береть начало изъ Кивайскаго озера. Черезъ нее переправлялись едва въ одинъ день и то при скорой ѵздѣ: рѣка эта имѣть почти 80 верстъ ширины“.

Приблизительно по этому водному пути на своихъ утлыхъ „ушкуяхъ“ новгородцы и проникали въ богатую lushными звѣрями Югру. *) Главнымъ стимуломъ, толкавшимъ новгородцевъ на такие отчаянные, сопряженные почти съ непреодолимыми препятствіями, походы была корысть, жажда легкой наживы и богатой эксплоатации края. Отсюда они бывали мягкой рухлядь, дорогие мѣха, моржевые клыки и мамонтову кость, а также серебро и золото, завозимыя сюда изъ древней Болгарии и, вѣроятно, изъ Алтайскихъ горъ. Эти походы начинаются съ первой четверти XII в. Первые набѣги новгородцевъ кончались по большей части неудачно. Такъ въ нашей лѣтописи занесенъ слѣдующій фактъ подъ 1193 годомъ. (Буду передавать, подновляя немного языка)

*) Первоначальное название Сибири въ нашихъ лѣтописныхъ памятникахъ была Югра. Название это въ XVII в. исчезаетъ въ лѣтописяхъ и замѣняется настоящимъ. Подъ въ первое время, разумѣлось все пространство сѣверо-западнаго угла Азіи по прибрежью Ледовитаго океана отъ Югор-Лозы и Вышеры. Что касается филологическаго происхождения слова Сибирь, то оно съ точностью неопределено. Одни думаютъ, что это слово общее финско-уральскимъ племенамъ и принято Богайскими татарами; другие лумаютъ, что оно чисто татарское и происходит отъ слова биръ—одинъ, т. е. первый, главнѣйший. Мѣстный изслѣдователь старины г. Абра-мовъ производить это слово отъ формы повелительного на-клоненія татарскаго глагола сибирмакъ—очищать; допускается также и такое словоизводство: сибъ—засыпай и иргъ—земля. Не считаю себя компетентнымъ, чтобы сказать что-нибудь относительно филологическихъ домысловъ г. Абрамова.

лѣтописи): „Въ лѣто 1193 пошли новгороды въ Югру ратью съ воеводою Ядрѣмъ, пришли въ Югру и взяли городъ; пришли къ другому городу и стояли подъ нимъ пять недѣль. И югорцы выслали къ нимъ посольство съ лестію и говорили: не губите своихъ смердовъ и данниковъ, копимъ (собираемъ) мы для васъ серебро, и соболи и ино узорочье. А они собирали воиновъ. И собравъ войско, снова послали къ воеводѣ сказать: пойди въ городъ, взявши съ собой двѣнадцать лучшихъ мужей. И пошелъ воевода въ городъ, взявши съ собой попа Ивана Легена и другихъ лучшихъ людей. И наканунѣ Св. Варвары (4 декабря) изсѣкоша я. И паки взяли тридцать лучшихъ мужей (изъ новгородцевъ) и тѣхъ изсѣкоша, и потомъ еще пятьдесятъ. Послѣ этого сказалъ Савка (новгородскій измѣнникъ, перешедшій на сторону югорцевъ) Югорскому князю: если, княже, не убьешь Прокшина и отпустишь его живымъ въ Новгородъ, то онъ приведеть снова войско и землю твою опустошить. И князь велѣлъ убить его. Этотъ Савка тайно перевѣты держалъ съ княземъ Югорскимъ. На праздникъ Св. Николы (6 декабря) сдѣлали югорцы вылазку изъ города и изсѣкоша вся. И бѣ и туча и бѣда останку живыхъ. И не баше вѣсти во всю зиму. И печаловашася въ Новгородѣ князь, и владыка и весь Новгородъ“. Такимъ образомъ вслѣдствіе измѣны одного изъ дружинъ новгородцевъ такъ печально кончился этотъ походъ русскихъ въ нашу страну. Изъ этого лѣтописнаго извѣстія мы видимъ, что обитатели сѣвера Сибири уже въ это отдаленное время считали себя днѣнниками вовгородской республики. Было много и другихъ походовъ и походовъ иногда очень удачныхъ. Такъ въ 1363 г. двѣ новгородскія роты, подъ начальствомъ Александра Абакуновича и Степана Ляны, раздѣлившись на двѣ части, прошли все теченіе Оби вплоть до устья Иртыша и собрали очень много дани. Въ 1446 г. сильное новгородское ополченіе въ 3000 человѣкъ опять ходило на Югру и „поимаше много югорскихъ людей, женъ и дѣтей“. Легкій успѣхъ вселилъ въ новгородцевъ большую самонадѣянность и не-простительное презрѣніе къ врагу, что и было причиной гибели ихъ. Югорцы вышли и сказали новгородцамъ: „мы хотимъ вамъ дать дань и хочемъ счастья и указать вамъ ставы, и островы, и урѣчища“. Когда подъ этимъ предлогомъ набралось непріятелей довольно много, то они ударили на укрѣпленіе новгородцевъ и человѣкъ съ 80 „дѣтей боярскихъ и удалыхъ людей побаша“. Воевода новгородскій Василій Шенкурскій съ небольшимъ отрядомъ бѣжалъ, а остальная

часть войска разбрелась и скрылась въ лѣсу⁴. Несмотря на эти временные неудачи, энергия, упорство и бранный, воинственный духъ вѣлькихъ сыновъ Новгорода одерживали верхъ надъ слабыми инородческими племенами Сибири и— изъ договорной грамоты Новгорода съ Москвою мы видимъ, что въ 1471 году Югра уже находилась въ числѣ волостей Новгородской Общины.

Изъ летучаго и краткаго описанія походовъ новгородцевъ мы можемъ видѣть, что всѣ они имѣли характеръ простыхъ набѣговъ съ исключительной цѣллю грабежа. Въ силу этого въ то время и русская коронизация края не пустила еще никакихъ корней, да и была почти не мыслима. Съ подчиненiemъ Новгорода Москвѣ отходили въ послѣдней и земли новгородскія, а въ томъ числѣ и Югра. Московское правительство для приведенія въ подданство послѣднѣй въ концѣ XV в. предпринимаетъ рядъ походовъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ 1483 г., когда 150000 войска при устьи р. Нелыми разбили Богуличей, прошли по Тандѣ въ землю Сибирскую, где взяли много добычи и, спустившись по Иртышу въ Обь, покорили югорскихъ князьковъ. Въ 1488 г. Иоаннъ III присоединяетъ къ своему титулу название князя „Югорскаго“. Въ 1499 г. былъ второй походъ подъ предводительствомъ князя Семена Феодоровича Курбского, князя Петра Феодоровича Ушатаго и Ивана Васильевича Заболовскаго, по прозванию Бражника. Походъ этотъ продолжался цѣлыхъ два года; въ одинъ конецъ войско прошло 4600 верстъ. Сборный пунктъ войска назначенъ былъ на рекѣ Нинегъ. Отъюда 20 июля прошли рекою Колодой 150 верстъ, рекою Печорою пришли къ городу Усташу. „А съ Цечоры реки воеводы пошли на Введеніевъ день.... ишли до Камени (г. е. до Урала) двѣ недѣли. А Камени въ облакахъ не видѣти, а коли вѣтreno, ино облако раздираетъ, и длина его отъ моря и до моря⁵. Зѣсь на ураль они встрѣтили Самоѣдѣ въ: 50 человѣкъ убили и захватили у нихъ 200 оленей. Отъ Урала шли цѣлую недѣлю до первого городка вогульскаго Ляшина (мѣстечко въ Березовскомъ уѣздѣ на р. Сыгвѣ). Ляшинъ былъ взятъ. Въ суровую зиму на оленяхъ и собакахъ воеводы отправились на другія поселенія Богуличей и Остяковъ и, какъ говорить лѣтописецъ, „поимали 33 города, да взяли 1009 человѣкъ лучшихъ людей, да 50 князей привели. Да Василий Бражниковъ взялъ 8 городовъ да 8 головъ и пришли всѣ къ Москвѣ въторого на великии дѣнь къ государю“.

На первыхъ порахъ московское правительство держалось той же системы отношеній къ Сибири, какъ и Новгородская Община: оно собирало дань съ инородцевъ и не предпринимало никакихъ мероприяній колонизаціи края. Поступательное движение великаго русскаго племени на С.-В. еще не дошло до Сибири; русскій человѣкъ еще не перевалилъ чѣрезъ Уралъ. Онъ, въ типическомъ своемъ представителѣ смѣлаго, отважнаго и предприимчиваго колонизатора—въ лицѣ „именитыхъ людей“ Строгановыхъ, держался еще въ Прѣуральи, на берегахъ Камы и Чусовой. Строгановымъ принадлежитъ высокая историческая честь заселенія русскимъ племенемъ древней Біарміи, позднѣйшей Великой Перміи; Строгановы же первые открыли и указали русскому человѣку на Сибирь, какъ на страну, гдѣ долженъ послѣдній совершить свою великую историческую миссію: просвѣтить свѣтомъ высокой христіанской истины, европейскою культурою и знаніемъ тѣ ниція духомъ племена, которая населяли эту обширную страну. Строгановы давали всѣмъ отважнымъ и способнымъ на это великое дѣло всѣ средства, не жалѣя ничего. Строгановы же направили на Сибирь и безсмертнаго въ лѣтописяхъ русскаго народа Ермака съ его смыслою дружиной. Вотъ то значеніе, вотъ та великая историческая роль, которую игралъ этотъ знаменитый родъ въ дѣлѣ колонизаціи С.-В. Россіи и Сибири! (Происхожденіе этого рода историческая данная разсказываютъ слѣдующее: праотецъ Строгановыхъ былъ татарскій мурза Золотой Орды, выѣхавшій въ Россію при Дчитрѣ Донскомъ и принявшій христіанство; во Свѣтии крещеніи нарѣченъ бытъ Спиридономъ. Во время одного нашествія татаръ на русскую землю, онъ былъ посланъ великимъ княземъ противъ послѣднихъ, разбигъ и взять въ плѣнъ. Здесь татары звѣрѣкимъ образомъ умергвили его: разсѣкли тѣло на части и строгали это отсюда и фамилія Строгановыхъ. Потомки Спиридона Строганова переселились въ Новгородъ, занялись торговлею и настолько разбогатѣли, что въ состояніи были одни выкупить изъ татарскаго плѣна Московскаго князя Василія Темнаго, за что заплатили татарамъ, по показанію новгородскаго лѣтописца, 200.000 рублей (послѣднаго же 29.000 руб.)—сумма весьма значительная по тогдашнему времени. Въ благодарность за эту услугу великій князь и отдалъ Лукѣ Строганову въ оброчное содержаніе некоторыя земли въ Двинской области. Послѣ паденія Новгорода Строгановы выселяются въ область Великаго-Устюга, где они получили отъ правительства одинъ пустопорожній

участокъ для заселенія. Въ царствованіе Іоанна Грознаго Строгановы обратили свою промышленную дѣятельность на востокъ и перенесли ее на Каму. Въ 1558 году Григорій Аникіевъ Строгановъ проситъ у царя отдать ему пустопорожнія земли по Камѣ и Чусовой для заселенія и получаетъ грамоту, по которой позволялось имъ призывать къ себѣ колонистовъ, ставить соляныя варницы, добывать соль, ловить рыбу по рѣкамъ и озерамъ; строить города и защищаться своими средствами; добывать селитру для пороха. Строгановъ строить въ 1558 г. городокъ Канкоръ, близъ устья Чусовой, гдѣ стоялъ монастырь Всемилостиваго Спаса; а въ 1564 г. и другой съ разрѣшенія царя въ 20 верстахъ отъ первого (на Орловскомъ волокѣ), названный Кергеданомъ, съ деревянною стѣною и бойницами. Въ 1568 году братъ Григорія Яковъ Строгановъ билъ чelомъ царю, чтобы ему дано было земли еще на 20 верстъ къ прежнему пожалованью, причемъ также обязывался построить крѣпости на свой счетъ; содержать войско и имѣть огвестрѣльное оружіе. Просьба его была исполнена. Утвердившись по сю сторону Урала, Строгановы обращаютъ вниманіе на земли Зауральскія, обѣщавшія имъ еще больше выгодъ, чѣмъ земли по рѣкѣ Камѣ. Случай къ этому скоро представился: въ іюлѣ 1573 г. Сибирскій царевичъ Маметкуль приходитъ съ войскомъ на рѣку Чусовую провѣдывать дороги, какъ бы ему пройти къ строгановскимъ городкамъ и въ Пермь Великую, причемъ очень много побилъ данниковъ московскихъ остыаковъ, женъ и дѣтей ихъ увелъ въ плѣнь, государева посланника, шедшаго въ Киргизъ-кайсацкую орду, убилъ. Не доходя 5 верстъ до строгановскихъ городковъ, Маметкуль, испуганный рассказами о силѣ Строгановыхъ, повернулъ назадъ. Увѣдомляя объ этомъ царя, Строгановы писали, что они упустили удобный случай напасть на сибирскаго царевича единственно только потому, что не имѣли на то разрѣшенія отъ него. Между тѣмъ зауральскіе остыаки просятъ, чтобы царь оборонялъ ихъ „отъ сибирскаго салтана“ и тогда они будутъ платить дань Москвѣ. Для этого бы государь пожаловалъ ихъ (добавляли Яковъ и Григорій Строгановы въ своей челобитной), позволилъ между тахчеями на рѣкѣ Тоболѣ и по рѣкамъ, которыя въ Тоболѣ впадаютъ, до вершинъ ихъ, на усторожливомъ мѣстѣ, крѣпости дѣлать, сторожей нанимать и огненный нарядъ держать на свой счетъ, желѣзо вырабатывать, пашни пахать и угodyями владѣть“. На такое заманчивое предложеніе московскій царь не могъ не согласиться: далъ полное имъ право „на Ирты-

шъ, и на Оби, и на другихъ рѣкахъ, гдѣ пригодится, для обереганья и охочимъ людямъ для отдыха, строить крѣпости, держать сторожей съ огненнымъ нарядомъ, ловить рыбу и звѣря безоброчно до исхода урочныхъ 20 лѣтъ“. Въ той же грамотѣ наказывалось: „на сибирскаго салтана Якову и Григорью собирать охочихъ людей, Остяковъ, Богуличей, Югричей, Самоѣдовъ, и посыпать ихъ воевать вмѣстѣ съ наемными казаками и съ нарядомъ, братъ сибирцевъ въ плѣнь и въ дань за насъ приводить“.

Изъ этой грамоты мы видимъ, что царя Ивана Васильевича Грознаго смотрятъ уже на Сибирь, какъ на свое достояніе, какъ на свои неотъемлемыя владѣнія, которыми онъ можетъ распоряжаться по своей волѣ, давать права на пользованіе ими кому захочеть. На самомъ дѣлѣ Ioannъ IV-й, если не de facto, то de jure считался владельцемъ Сибири. Дѣло въ томъ, что совершившееся при немъ паденіе царствъ Казанскаго и Астраханскаго и распространеніе русскаго владычества по всей Волгѣ и Камѣ благопріятнымъ образомъ для Москвы отразилось на ея восточныхъ сосѣдяхъ—татарахъ ногайскихъ и сибирскихъ, произвело на нихъ сильное впечатлѣніе, убѣдило въ могущество и силу русского народа: и вотъ мелкие владельцы прикаспийскіе начинаютъ обращаться къ Москвѣ съ просьбою о помощи другъ противъ друга, просятся въ подданство, чтобы имѣть сильнаго покровителя и надежную въ немъ опору и помощь. Тоже самое дѣлаетъ и владѣтель Сибири, татарскаго юрта, лежавшаго въ срединѣ Тобольской губерніи, князь Едигерь. Въ январѣ 1555 года Едигерь присыпаетъ послѣдствіе въ Москву съ просьбою къ царю взять его и всю землю Сибирскую „подъ свою высокую руку“. Что же заставило послѣдняго обратиться съ подобною просьбою къ Грозному? Чтобы обстоятельнѣе и точнѣе ответить на поставленный вопросъ, считаю необходимымъ въ легкомъ историческомъ очеркѣ ознакомить Васъ, м.м. государи и м.м. государыни, съ исторіей нашей губерніи до подчиненія ея Москвѣ, до покоренія Сибири Ермакомъ Тимофеевичемъ.

На огромномъ отъ части тундростомъ, отъ части лѣсистомъ пространствѣ Тобольской губерніи съ незапамятныхъ временъ жили тѣ же самые инородческія племена, остатки которыхъ и до нашихъ дней продолжаютъ влечь свое убогое существование. То были племена финскія или чудскія: на съверѣ жили Самоѣды вмѣстѣ съ Юграми (народомъ вымершимъ: имя послѣднихъ въ нашихъ лѣтописахъ исчезаетъ къ

XVII вѣку), южнѣе ихъ Остяки, западнѣе Богуличи, первоначально жившіе по западнымъ склонамъ Урала, по системѣ рѣкъ Выми и Вычегды, но вслѣдствіе движенія славянскаго племени на сѣверо-востокъ вытѣсненныес за Ураль и поселившіеся на мѣстахъ Югры. Племена эти имѣли примитивные признаки политической жизни: управлялись князьями и имѣли города по Оби, Иртышу и Тоболу. Какъ мы видѣли изъ перезасказа о первыхъ походахъ новгородцевъ, они храбро отстаивали свою политическую свободу и имущество. Письменные памятники мало даютъ намъ свѣдѣній объ этихъ аборигенахъ нашей страны; памятники вещественные еще того меныше. Составить понятіе о бытѣ первоначальныхъ обитателей Сибири, о виѣшней обстановкѣ жизни, о степени цивилизаціи и т. п. на основаніи тѣхъ археологическихъ данныхъ, которыхъ добыты исторической наукой, нѣть пока почти никакой возможности. Болѣе извѣстно становится для насъ исторія Сибири съ XVIII в., когда на югъ Тобольской губерніи, въ плодоносныхъ степяхъ ея появляются племена *турски*, подъ общимъ именемъ *татаръ*, отѣснившія чудскія племена на сѣверъ. Они-то и образовываютъ здѣсь свое поселеніе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ Сибирского юрта.

Въ первоначальной исторіи татарского владычества въ Сибири, лѣтописный разсказъ о которой я сейчасъ предложу Вашему благосклонному вниманію, есть много неяснаго, запутанного и сбивчиваго. Дѣло въ томъ, что главнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній этой отдаленной эпохи являются наши лѣтописи; послѣднія были составлены послѣ завоеванія Сибири Ермакомъ и въ нихъ внесены были все устныя преданія, записанные составителями лѣтописей со словъ стариковъ—татаръ, хранившихъ въ своей памяти разсказы о дѣлахъ давно-минувшихъ дней. Вотъ почему достовѣрность историческихъ свѣдѣній этой отдаленной сибирской старины воабуждала въ нашихъ изслѣдователяхъ (Миллеръ, В. Зерновъ и друг.) рядъ сомнѣній и недоумѣній, вызвала въ послѣднихъ необходимость прибѣгать къ разнаго рода гипотезамъ: таѣь много противорѣчій и неопределѣленности!

На зарѣ исторической жизни Сибири изъ доисторического сумрака, разстилавшагося подъ нашей страной, выступаютъ передъ нами самые блѣдные, неясные облики первыхъ хановъ, положившихъ краеугольный камень въ основу татарского владычества, образовавшихъ первый политический центръ на рѣкѣ Ишимѣ, въ городѣ „Кизиль-Тура“, что зна-

читъ красный или красивой наружности. Объ имени первого тамъ хана въ лѣтописяхъ даже не упоминается. Преемникомъ его былъ сынъ его *Кизиль-тиң*, что значить краснотѣлый, которому наследовали братъ его *Девлетъ*, а потомъ сынъ *Юваишъ*. Этотъ послѣдній хотѣлъ силою оружія покоритьсосѣднія племена и набралъ дружину въ 300 человѣкъ, оружіемъ которой были луки и пращи. Но подданные его не имѣли желанія вступать въ войну съ своими сосѣдями, оставили своего воинственнаго хана и разошлись кочевать въ разныя страны. Даље лѣтопись перечисляетъ поименно преемниковъ и потомковъ его: послѣ Юваша въ Кизильтурѣ ханомъ былъ *Ишимъ*, отъ которого р. Ишимъ получила свое название, потомъ сынъ его Маметь, затѣмъ идуть: Куташъ, Аллогутъ, Кузей, Ебардулъ, Бахмуръ, Яхшиметъ и наконецъ сынъ Бахмура *Юракъ*. Юракъ началъ приводить подъ свою власть всѣ сосѣдніе татарскіе улусы и налагать дань звѣрями, рыбью и сѣвѣстными припасами. Ему наследовалъ сынъ его *Мунчакъ*, который отъ 20 женъ имѣлъ 50 дѣтей обоего пола. Преемникомъ его былъ любимый сынъ *Юзакъ*, жившій долѣе всѣхъ своихъ предковъ. При немъ во всѣхъ подвластныхъ улусахъ начали пахать землю и сѣять овесъ, полбу и ячмень. По смерти Юзака остались два сына Мунчакъ и *Онъ-сонъ*. Первый изъ нихъ остался владѣтелемъ въ Кизиль-турѣ, а второй, притѣснѣмый братомъ, удалился съ преданными ему улусами къ устью рѣки Ишима и здѣсь образовалъ отдельный юртъ, который въ лѣтописяхъ извѣстенъ подъ именемъ „сибирскаго“. Онъ-сонъ, будучи весьма корыстолюбивъ, бралъ дань съ близкихъ своихъ родственниковъ, вѣль торговлю съ сопредельными ордами и былъ очень богатъ. Вскорѣ онъ завоеваніями своими распространилъ свои владѣнія по рѣкамъ Ишиму, Иртышу, Тоболу и Турѣ. Кромѣ татаръ ему были подвластны Остяки и Богуличи. Царствовалъ онъ очень долго и извѣстенъ былъ, какъ весьма могущественный и славный ханъ; но нѣкто *Чингій* напалъ на него войною, взялъ въ плѣнъ, умертвилъ его и овладѣлъ всѣмъ обширнымъ ханствомъ. При этомъ кровавомъ происшествіи спасенъ былъ самый младший сынъ Онъ-сона *Тайбуа*. Дворецкій Чингія Муратъ-бѣй, изъ жалости къ малолѣтнему, безпомощному сиротѣ, скрылъ его и отправилъ въ одно отдаленное мѣсто, гдѣ послѣдній и былъ тайно воспитанъ. Наконецъ слухи о Тайбуѣ, какъ сынѣ знаменитаго хана Она, начали доходить до самого Чингія. Чингій предлагаетъ сиротѣ безбоязненно явиться къ нему и обѣщаетъ дать ему

владѣніе. Царевичъ, которому совершенно наскучила его скитальческая, тревожная жизнь, повѣрилъ обѣщанію хана, явился къ его двору. Дѣйствительно Чингій принялъ его ласково, какъ своего сына, окружилъ полнымъ довѣріемъ и впослѣдствіи поручилъ ему часть войска для приведенія въ прежнюю покорность Остяковъ. Тайбууга успѣшно выполнилъ порученіе хана—покорилъ остяковъ Чингію, за это состарѣвшійся уже ханъ и отдалъ ему обѣщанную часть своихъ владѣній. Тайбууга, пленившись красотою вынѣшней Тюмени, построилъ здѣсь городъ, наименовавъ его въ честь своего благодѣтеля Чипгитура, или Чингидина. *) Здѣсь образовывается самостоятельное ханство, жители которого назывались *Туралинами* (по рѣкѣ Турѣ) и *Шибанцами*, а владѣніе *Шибанскимъ*, отъ имени брата Батыева Шейбона. Послѣ Тайбууги Тюменское ханство дѣлается сильнымъ и главнымъ; Тюмень называется въ лѣтописяхъ „Великою Тюменью“. Тюмень завесена была и на первую географическую карту Сибири, изданную въ З. Европѣ въ 1544 году. Въ Тюмени сосредоточивалась вся историческая жизнь тогдашней Сибири. При одномъ изъ потомковъ Тайбууги Марѣ, живившемся на сестрѣ казанского хана Упакѣ, **) произошло завоеваніе Тюмени Казанью. Недовольный за что-то своею

*) Надо думать, что первоначальный городъ, построенный Тайбуугою, находился между двумя бураками (баоками) Тюменью и Вишневымъ, на томъ мѣстѣ, которое и теперь называется „Царево Городище“. Здѣсь еще въ половинѣ прошлаго столѣтія видны были слѣды старого укрѣпленія, какъ увѣряетъ Миллеръ. Что касается настоящаго названія города *Тюменю*, то одни думаютъ, что это слово происходитъ отъ татарскаго „туменъ“, въ переводѣ „10.000“, полагая, что владѣтели этого города имѣли или 10.000 скота, или 10.000 войска. Абрамовъ производить это названіе отъ татарскихъ словъ: „тю“—принадлежность, достояніе и мѣстоименія „мѣни“—я, или мой. Гѣтъ такого производства *Тюмень* будетъ значить: моя принадлежность, мое достояніе. „Можетъ быть Тайбууга“, объясняетъ авторъ этой догадки: „по смерти Чингія, сдѣлавшись полновластнымъ властителемъ мѣсть и улусовъ, прежде принадлежавшихъ его отцу Ону, переименовалъ городъ Тюменью, какъ законно и потомственно ему принадлежащей“.

**) Между казанскими ханами имени Упака не встрѣчается; передаю события по лѣтописному разсказу.

женою, онъ отоспалъ ее въ Казань. Упакъ, разгнѣвавшись за это на своего зятя, пошелъ на него войною, взялъ въ плѣнъ и умертвилъ его коварнымъ образомъ, область Тюмени присоединилъ къ Казанскому царству, а двухъ сыновей Мара—Обдера и Ебалака увелъ въ плѣнъ. Впукъ Мара *Маметь*, котораго нѣкоторые изъ тюменскихъ татаръ успѣли скрыть отъ гнѣва Упака и втайне воспитать, пришедши въ зрѣлый возрастъ, напалъ съ своими приверженцами на Упака, жившаго тогда въ Тюмени, захватилъ его въ плѣнъ и отмстилъ за смерть дѣда и плѣнъ отца своего Обдера: онъ свергнулъ Упака съ престола и убить его. Бонъ гнѣва и мщенія Казанскаго царя, Маметь ушелъ во внутрь владѣній своихъ предковъ, на С.-В. отъ Тюмени и на высокомъ, отвѣсномъ мысу праваго берега Иртыша около 1495 г., какъ думаетъ Вельяминовъ—Зерновъ, основалъ новый центръ татарскихъ владѣній—городъ Искерь, или Сибирь. Съ тѣхъ порь въ Тюмени до самого покоренія Сибири дружиною Ермака были особые, отдѣльные владѣтели, извѣстные подъ именемъ хановъ, или султановъ. Въ эпоху подчиненія Сибири Московскому государству, въ первую половину царствованія Ioanna IV въ Сибири (или точнѣе на Искерь) былъ ханомъ внука Мамета, сынъ Касима, первый московскій данникъ Едигеръ. При Едигерѣ происходитъ династический переворотъ. Такого характера свѣдѣнія о Сибири въ періодѣ, захваченный рамками моего чтенія, передаютъ намъ непосредственные исторические источники—наши сибирскія лѣтописи, источники почти единственные. Эти источники, какъ я уже сказалъ, во многомъ, а особенно въ пересказѣ фактъ изъ отдаленной сибирской старины, не выдерживаютъ исторической критики, исторического скепсиса. Они вѣрно не устанавливаютъ исторической даты о времени утвержденія татарскаго владычества въ предѣлахъ нашей губерніи. Вопросъ о послѣднемъ рѣшается гадательно. Большинство ученыхъ, а во главѣ ихъ отецъ сибирской исторіи Миллеръ, пріурочиваетъ историческую дату обѣ этомъ къ эпохѣ монгольского движения, когда несмѣтныя толпы разнообразныхъ азіатскихъ ордъ подъ начальствомъ Чингисхана въ началѣ XIII в. разрушительнымъ потокомъ устремились изъ нѣдра Азіи на западъ, покорили Китай, победоносно прошли всю центральную Азію, опустошили Персію, Кавказъ, выжгли и разграбили города Россіи, наложили на нее тяжелое ярмо и при преемникахъ Чингисхана образовали необъятное и могущество государство, извѣстное въ исторіи подъ названіемъ Золотой Орды. Нѣтъ

сомнѣнія, что начало политической жизни сибирскихъ татаръ вызвано было этимъ историческимъ фактомъ. Вотъ почему нельзя не согласиться съ Миллеромъ, который относить начало образованія сибирского юрта къ XIII в. и генеологію сибирскихъ хановъ начинаетъ не съ лѣтописнаго Кизильтина, а съ Она или, какъ онъ иначе называется, Онъ-сона, личности уже болѣе близкой къ намъ по времени. Кто былъ по происхожденію Онъ? историческій изслѣдованія различно рѣшаютъ этотъ вопросъ. Миллеръ думаетъ, что Онъ былъ современникомъ Чингисхана и самостоятельнымъ владѣтелемъ Сибирского юрта. Академикъ Вельяминовъ Зерновъ считаетъ его за брата Батыя, сына Джучиева, внука Чингисхана. Съ надлежащею точностью не установлена пока даже самая конскрипція его имени: то онъ въ памятникахъ называется Онъ-сономъ, то Шибаномъ, то Ивани, то Иваномъ и т. п. Даѣте, какъ мы видѣли, по всей исторіи сибирского юрта проходить рядъ династическихъ переворотовъ, кровавой рѣзни и споровъ за обладаніе политическимъ первенствомъ: одинъ царствующій родъ идетъ войной на другой и смѣщаетъ его—совершается нѣчто похожее на то, что было въ древней Руси во время удѣловъ; вмѣстѣ съ этимъ мѣняются и самые центры политической жизни Сибири: такъ сначала такимъ центромъ была область рѣки Ишима (сибирскій юртъ), по томъ область рѣки Туры (tüменское ханство) и наконецъ область Иртыша съ городомъ Искеромъ, или Сибирию. Для объясненія основныхъ историческихъ причинъ такихъ не-понятныхъ явлений В.-Зерновъ прибѣгаєтъ къ такого рода фикціи: при образованіи сибирского юрта, начало которому положилъ Шейбони (Онъ), сынъ Джучиевъ, былъ нѣкто бекъ Чиягистъ. Этотъ послѣдній возсталъ противъ него, убилъ и утвердилъ свою власть надъ юртомъ. Сынъ же его Тайбууга, которому онъ передалъ свою власть, переселяется изъ области рѣки Ишима въ область Туры, строить здѣсь городъ, который и называется въ честь своего отца Чингединомъ, переименованнымъ послѣ въ Тюмень. Такимъ образомъ Зерновъ въ противность преданію считаетъ Тайбуугу не сыномъ Шейбони или Она, а сыномъ Чингиса или Чиягія, современника Шейбони. Къ лѣтописному разсказу о Тайбуугѣ и его происхожденіи отъ Шейбони скептически относится и Миллеръ, но знаменитый историкъ вопроса не рѣшаеть и оставляетъ его открытымъ. Рѣшаеть его и рѣшаеть блистательно В.-Зерновъ. Допустивъ его гипотезу, намъ представляется яснымъ и опредѣленнымъ и все послѣдующее въ

исторії сибирскихъ татаръ, а именно: убійство Мара, внука Тайбуги, Ибакомъ (или Упакомъ), однимъ изъ отдаленыхъ потомковъ Чингисхана, въ свою очередь убійство послѣдняго внукомъ первого Маметомъ, а затѣмъ и убійство Ецигера Кучумомъ, который называется въ лѣтописяхъ шибанскимъ; представляются ясными и коренные причины такихъ кровавыхъ явлений. Здѣсь до утвержденія русскаго господства съ первыхъ временъ татарскаго владычества происходитъ постоянная династическая борьба между двумя владѣтельными родами: родомъ Шейбони и родомъ Чин'я, борьба между потомками законнаго владѣтеля и потомками узурпатора.

Та же династическая борьба происходит и при Едигерѣ; такой же династический переворотъ совершается и при немъ. Кучумъ, называемый по русскимъ источникамъ „тюменскимъ царевичемъ“, послѣдний потомокъ Чингисхана нападаетъ на Едигера и сильно тѣснить его. Желая имѣть помошь отъ сильнаго царя московскаго, передъ которымъ пала грозная для Сибири Казань, Едигерь и шлетъ посольство къ русскому царю въ январѣ 1555 года. Но послѣдній часъ владычества Едигера пробилъ: Москва не могла, да и не хотѣла послать ему помошь и въ 1563 г. Едигерь былъ убитъ, а сибирскій юртъ переходитъ въ руки Кучума. Вскорѣ пробилъ послѣдній часъ также и для Кучума, а вмѣстѣ съ нимъ и для владычества татаръ. Русскій человѣкъ стучался у воротъ Азии, ждалъ только смѣлаго вождя, подъ предводительствомъ котораго онъ могъ бы идти на „невѣрнаго и поганаго салтана“ и на Сибирь. И этотъ вождь явился: то былъ простой казакъ Ермакъ Тимофеевичъ.

І. Введенський.

2. ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ.

Удивительное событие случилось въ царствование Иоанна Грозного! Совсѣмъ неизвѣстные люди покоряютъ большое царство Сибирское! Эти неизвѣстные люди—бездомные казаки—бродяги! Странствуя по Волгѣ для грабежа, они этимъ только прославляются, правительство съ этой только стороны знаетъ ихъ и за это преслѣдуется. Преслѣдованіе вынуждаетъ бродягъ оставить привольную Волгу. Имѣя во главѣ Ермака, они упливаютъ для дальнѣйшихъ новыхъ приключеній на реку Каму, а съ Камы, гдѣ имѣ мало чѣмъ можно было поживиться, уходить за Уральскія горы и покоряютъ Сибирское царство. Главный предводитель бѣглецовъ—атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ,—получившій отъ своей шайки имя „Ермакъ“, по мнѣнию нѣкоторыхъ изслѣдователей, за то, что былъ кашеваромъ („Ермакъ“—значить *таганъ*, а таганъ—извѣстная подставка для приготовленія пищи),—носилъ прежде имя Василія; происходилъ онъ, по догадкамъ ученыхъ, отъ бѣдныхъ родителей Владимирской губерніи. Бѣдность въ домѣ отца, отсутствіе всего необходимаго заставило Василія оставить домъ родителей и искать пропитаніе себѣ на Волгѣ грабежомъ. Тутъ Василій нашелъ товарищѣй такихъ же бездомныхъ бродягъ; принять былъ ими съ радостію и переименованъ въ Ермака, что значитъ, какъ мы видѣли, таганъ. Этотъ Ермакъ, сдѣлавшись впослѣдствіи атаманомъ казаковъ—бродягъ, повелъ ихъ въ неизвѣстную и дикую Зауральскую страну, Сибирь, получившую такое имя отъ главнаго города „Сибирь“ или „Искеръ“. Русское правительство ничего не знаетъ о предпріятіи Ермака и его шайки до тѣхъ поръ, пока другой предводитель—Иванъ Кольцо—давно приговоренный къ казни за грабежи, не доноситъ правительству о покореніи Сибири. Кто могъ ожидать отъ ничтожной шайки бродягъ такого смѣлаго подвига! Но можетъ быть смѣльчаки имѣли превосходное оружіе, большие военные припасы? Нѣть; многие казаки изъ шайки Ермака вовсе не имѣли оружія и только пришедши въ земли извѣстныхъ Строгановыхъ, запаслись оружиемъ и припасами. Строгановы дали Ермаку 3 пушки, безоружнымъ казакамъ по ружью и къ нимъ припасовъ: по 3 фунта пороху и по 3

же фунта свинцу, а затѣмъ дали малый запасъ съѣстныхъ припасовъ. Въ 1579 г. (по другимъ извѣстіямъ въ 1582 г.) казаки въ числѣ 6 т. человѣкъ направились въ Сибирь для завоеванія ея. Выплывъ изъ р. Камы въ Чусовую, они тутъ сбились съ пути: свернули въ одинъ изъ притоковъ Чусовой, проплыли его до верховьевъ и только тутъ догадались, что ве туда попали. Было время осенне. Вернувшись назадъ для отысканія дороги въ зауралье было поздно; рѣки стали замерзать, сухимъ путемъ идти было еще труднѣе. Казаки остались на зимовку въ дикой мѣстности, занимаясь грабежомъ жителей. На слѣдующую весну смѣльчаки двигаются въ дальний путь. Изъ Чусовой они плывутъ въ р. Серебрянку; проплываютъ этотъ короткій путь цѣлое лѣто и затѣмъ остаются опять на зимовье, добывая себѣ пропитаніе грабежомъ. Оставивъ это зимовье, казаки волокомъ (т. е пѣшкомъ) доходятъ до р. Жаровли. Для дальнѣйшаго плаванія казаки должны были строить плоты, такъ какъ р. Жаровля и другія рѣки, по которымъ плыли они, были мелководны. Проплыvia Жаровлю и ближайшія къ ней мелкія рѣчки, казаки добрались до системы рѣкъ Сибирскихъ. Тутъ они должны были строить лодки и плыть на нихъ. Ианурительны: работы, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и другія невзгоды убавили число казаковъ до $1\frac{1}{2}$ т. человѣкъ, остальные разбрѣжались. Побѣги казаковъ не смущили Ермака, неутомимо преодолѣвавшаго цѣль. Понятно, цѣль была еще далеко не достигнута: предстояло горсти казаковъ выдержать нападеніе многихъ Сибирскихъ князьковъ. Первое столкновеніе съ непріятелемъ произошло около нынѣшняго г. Туринска, на берегу р. Туры, гдѣ было владѣніе татарскаго князя Эпанчи. Эпанча, разбитый Ермакомъ, бѣжалъ въ свое укрѣпленіе, нынѣ г. Туринскъ. Однако Эпанча потерялъ и это укрѣпленіе; казаки взяли его, разграбили и сожгли. Затѣмъ казаки, плывя далѣе по Туру, взяли еще нѣсколько сель и городъ, называющійся нынѣ Тюмень. Слухъ обѣ этихъ побѣдахъ разнесся по многимъ отдаленнымъ мѣстностямъ и проникъ до главнаго города Искера, гдѣ царствовалъ ханъ Кучумъ. Татары рассказали Кучуму про превосходное оружіе пришельцевъ, про то, что оно страшно гремѣть и ранить на смерть, пробивая на вылетъ шлемы. Кучумъ, извѣщеній о приходѣ грозныхъ враговъ, рѣшился предупредить нападеніе ихъ на его резиденцію. Посланы были татары, вооруженные стрѣлами, въ количествѣ въ 30 разъ большемъ противъ казаковъ, къ устью р. Тобола. Казаки, проплывшіи рѣки Туру и Тоболь, приблизились къ

и́сту, где расположились войска Кучума. Прежде, чьмъ вступить въ бой, они начали совѣщаться о предстоящей схваткѣ. Сравнительная многочисленность непріятеля смущала казаковъ. Ермакъ уговорилъ свою рать вступить въ рискованный бой: „если, сказалъ Ермакъ, всемогущій Богъ поможетъ намъ (одержать побѣду), то слава наша будетъ вѣчна“. Казаки рѣшили идти на непріятеля. Сначала они встрѣтили небольшой отрядъ татаръ, предѣдимыхъ данникомъ Кучума Каракеемъ. Каракея выказалъ какъ на этотъ разъ, такъ и впослѣдствіи удивительную храбрость, но былъ разбитъ Ермакомъ. Побѣдители разграбили имущество Каракея, состоявшее изъ разныx драгоцѣнныхъ вещей. Затѣмъ Ермакъ сошелся съ главными силами Кучума на устьѣ Тобола. Кучумъ наблюдалъ за ходомъ сраженій на горѣ Чувашево, на другой сторонѣ рѣки Иртыша, близъ нынѣшняго города Тобольска. Побѣда осталась на сторонѣ казаковъ; изъ числа ихъ однако было убито 107 человѣкъ и много ранено. Престарѣлый и слѣпой Кучумъ долженъ быть бѣжать, оставивъ свою столицу, отстоявшую отъ нынѣшняго города Тобольска верстахъ въ 20. Забравши своихъ женъ,—жившихъ частію въ городкѣ, расположенному на паниномъ бугре (близъ самаго Тобольска), частію въ нынѣшнихъ селахъ Сузунѣ и Абалакѣ,—Кучумъ ушелъ въ Ишимскія степи. Ермакъ занялъ резиденцію Кучума—Сибирь. Здѣсь побѣдители нашли значительный запасъ мѣховъ. Ермакъ, считавшій занятіе города Сибири равнымъ покоренію всей страны Сибирской, послалъ своего товарища, атамана Кольцо, къ царю съ предложеніемъ принять Сибирское царство въ свое вѣдѣніе. Иоаннъ Васильевичъ принялъ въ свое вѣдѣніе Сибирь; Кольцо и Ермака съ шайкой простили за прежніе ихъ разбои; наградивъ подарками, царь отоспалъ Кольцо обратно въ Сибирь. Между тѣмъ Ермакъ продолжалъ дальнѣйшія завоеванія по верхнему течению Иртыша, присоединивъ къ завоеванному ранѣе нѣсколько улусовъ татарскихъ и взявъ въ пленъ царевича Махметкула, сражавшагося съ Ермакомъ при устьѣ Тобола. Махметкуль переданъ былъ, прибывшему вмѣстѣ съ Кольцо, царскому воеводѣ; воевода отправилъ пленника въ Москву, где онъ поступилъ на царскую службу. Въ то же время одинъ изъ казаковъ по имени Богданъ Брязга завоевалъ нѣсколько городовъ по нижнему течению Иртыша, это: нынѣшняя села Демьянское и Самарово. Смѣлый казакъ съ командою въ 50 человѣкъ прошелъ далѣе по р. Оби до нынѣшняго города Березова, докоряя власти Россіи татаръ и остяковъ. Ермакъ

и самъ ёздила внизъ по Иртышу и Оби и присоединилъ илько татарскихъ княжествъ. Но съ этихъ поръ счастіе стало измѣнить казакамъ: явился недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; не успѣли съ этою бѣдою справиться, какъ явились другая: началъ измѣннически губить казаковъ извѣстный Карава. Притворившись другомъ Ермака, Карава просилъ у него помощи для борьбы съ ногайцами. Ермакъ послалъ илько человѣкъ изъ своей дружины во главѣ Кольцо,—всѣ они были убиты, убить былъ и Кольцо. Незнай ничего о судьбѣ отряда Кольцо, Ермакъ послалъ еще небольшой отрядъ во главѣ атамана Михайлова отыскивать пропавшихъ казаковъ. Весь посланный отрядъ взялъ былъ Карава въ плѣнъ и перебить. Затѣмъ Карава нападаетъ неожиданно на Ермака въ его укрѣплѣніи; но на этотъ разъ приступъ врага былъ отбитъ атаманомъ Мещерякомъ, сдѣлавшимъ удачную вылазку изъ осажденной Сибири. Карава бѣжалъ, по слѣдамъ его пошелъ самъ Ермакъ, но этотъ походъ его былъ послѣдній; онъ попалъ въ засаду. На его отрядъ, расположившійся у берега Иртыша ночевать, напали неожиданно татары и весь отрядъ избили. Ермакъ, по однимъ извѣстіямъ, былъ убитъ, а по другимъ—утонулъ: разбуженный крикомъ напавшихъ, Ермакъ бѣжалъ къ лодкамъ, стоявшимъ у берега, но лодки отбило вѣтромъ недалеко отъ берега; Ермакъ поплылъ ловить лодку, но утонулъ отъ тяжести своей брони. Такъ погибъ покоритель Сибирскаго царства! Но его дѣло не погибло. Правительство дѣятельно принялось доканчивать великое дѣло Ермака. Не зная еще о смерти Ермака, оно посыпало въ Сибирь войска, которыя покоренные мѣстности силою превосходнаго оружія удерживаютъ и отбиваются нападенія татаръ. Однако г. Сибирь русскими былъ на время потеряна; ее занялъ сынъ Кучума Алей; но Алей царствовалъ недолго; его свергъ ханъ Сейдякъ Кучумъ, узнавъ о сверженіи сына, самъ рѣшился добиться власти; неоднократно онъ дѣлалъ нападенія на русскія войска, причиняя большой вредъ. Въ одномъ столкновеніи Кучумъ потерпѣлъ неудачу: русскія взяли въ плѣнъ все его семейство, но и тогда онъ не смирялся; но наконецъ попался въ плѣнъ къ ногайскимъ татарамъ и тамъ былъ убитъ. Скоро взялъ былъ въ плѣнъ русскими и Сейдякъ и городъ Сибирь опять попалъ въ руки русскихъ. Съ этихъ поръ начинается мирное господство русскихъ въ Сибирскомъ царствѣ, начинается колонизація края; русскіе основываютъ много городовъ (Тюмень, Тобольскъ, Томскъ и др.), заселяютъ ихъ и занимаются мир-

ными занятіями. Главное, что извлекаютъ въ первое время русскіе въ богатой Сибирской странѣ,—это мѣха, золотымъ дномъ Сибирь стала впослѣдствіи. Но извлекать одни богатства изъ этой благодатной страны—мало: нравственный долгъ всѣхъ русскихъ людей, заселяющихъ Сибирь,—распространять сѣмена цивилизаціи среди дикихъ туземцевъ.

Учителъ Львовъ.

8.9

Личность ЕРМАКА ВЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

М. Г.

Имя Ермака прославилось и въ отечественной словесности. Нѣть такого захолустья, уголка обширной Русской земли, нѣть такого нѣвѣжды, которому было бы неизвѣстно имя Ермака! Оно играетъ роль даже въ дѣтскихъ забавахъ. Ермакъ вошелъ даже въ идеаль дѣтской жизни. Кто не знаетъ, что дѣтамъ свойственно представлять себѣ силачами, богатырями въ своемъ родѣ? Тогда они съ особеннымъ сознаніемъ своего достоинства называютъ себя Ермакомъ Тимофеевичемъ.

Но не маленькие Ермаки обращаютъ наше вниманіе, а то, что говорить народъ въ своихъ пѣсняхъ — былинахъ по всей широтѣ русскаго царства. Можетъ ли быть что нибудь выше той славы и чести, какъ быть предметомъ народныхъ пѣсенъ? Не разъ, можетъ быть, и Вамъ, М. Г., удавалось читать похвальные оды какимъ нибудь историческимъ лицамъ (прежде любили ихъ писать). Можетъ ли имѣть значеніе такая ода передъ одной былиной, сложившейся въ народѣ? Большая разница быть народнымъ героемъ, и героемъ только образованныхъ людей. Конечно, въ народныхъ разсказахъ много неточностей, герои представляются часто въ фантастической обстановкѣ. Конечно народная память въ теченіе многихъ столѣтій не могла сохранить историческихъ подробностей при всемъ священномъ значеніи, которое придавалъ народъ своимъ былинамъ. Но и самый вымыселъ для насъ поучителенъ и имѣть свою прелесть: въ нихъ лучше всего выражается идеалъ народной жизни, его понятіе о прекрасномъ. И такъ, двойной интересъ представляеть намъ сегодня познакомиться съ былинами о Ермакѣ Тимофеевичѣ. Во первыхъ, честуя его память, мы не можемъ лучше это сдѣлать, какъ общенароднымъ голосомъ, словами всего Русскаго народа. Во вторыхъ, узнаемъ, какъ народъ смотрѣлъ на Ермака, на сколько вѣрно народная память сохранила воспоминаніе о замѣчательномъ событии покоренія Сибири.

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,

Что пониже было города Саратова,

А повыше было города Камышина,

Собиралися казаки, люди вольные,

Собирались они, братцы во единый кругъ,
Гребенские и Донские, и Яицкие;
Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Лаврентьевичъ;
Стали думать они думушку единую,
Со крѣпка ума, со полна разума.
И возговорить Ермакъ сынъ Тимофеевичъ:
«Ужь какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима-то настаетъ холодная;
Еще гдѣ-то намъ казакамъ зимовать будеть?
Некорыстна у насъ шутка вѣдь запущена:
Какъ гуляли мы по морюшку по синему,
Какъ стояли на протокѣ да на Ахтубѣ,
Мы убили вѣдь посланичка персидскаго
Со солдатами его да со матросами,
Животомъ его всѣмъ покорыстались:
Какъ-то будеть намъ на то отвѣтствовать?
Намъ на Волгѣ жить—такъ все ворами сlyть,
На Яикъ идти—такъ переходъ великиъ,
Подъ Казань идти—тамъ Грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ силы много множества.
Мнѣ ли, Ермаку, тамъ быть повышенну,
Вамъ ли, казакамъ, быть переловленнымъ
Да по крѣпкимъ тюрьмамъ поразсаженнымъ
Мы уйдемте-ка въ Усолье, ко тѣмъ Строгановымъ,
Ко тому Григорию ко Григорьевичу—
Возьмемъ много свинцу—пороху, запасу хлѣбнаго,
А какъ вскроется весна-то красная,
Мы тогда-то, братцы, во походъ пойдемъ,
Да вину свою заслужимъ предъ Грознымъ царемъ».
И ушли они въ Усолье ко тѣмъ Строгановымъ,
Взяли много свинцу—пороху, запасу хлѣбнаго,
И пошли по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы зиму зимовать имъ.
И нашли они на Чусовой рѣкѣ,
Во крутомъ кряжу пещеру каменну;
Опущались въ пещеру, убиралися
Что не много и не мало—триста молодцевъ
Хорошо тутъ было зиму зимовать имъ.
Какъ прошла зима холодная
Наставала весна красная,
Говорилъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ:

Памъ пора ужъ, братцы, убиратися,
Убиралиса да въ походъ идти.
Ужъ вы дѣлайте-ка лодочки—коломенки,
Забивайте кочета еловые,
Накладайте весельца сосновыя;
Мы поѣдемъ, братцы, съ Божьей помочью,
Мы пригрянемъ, братцы, вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Перейдемте, братцы, тѣ круты кряжи,
Доберемся до того до царства басурманскаго,
Завоюемъ царство то Сибирское,
А царя Кучума въ полонъ возьмемъ—
Тѣмъ вину свою заслужимъ предъ Грознымъ царемъ».
Понадѣлали тутъ лодочекъ—коломенокъ,
Вверхъ пригрянули по Чусовой рѣкѣ,
Во Серебряну вошли, до Жаровля дошли,
До той Баранченской переволоки;
Забрали тутъ лодочки—коломенки,
На себѣ ташили да надѣлися—
На пути ихъ и покинули.
Мало время позамѣшкавши,
Увидали Баранчу рѣку,
Выплывали на Тагиль рѣку,
У медвѣдя камня становилися,
Жили тутъ съ весны до Троицы,
Промыслами рыбными кормилися.
Въ Троицу ли въ путь опять сбиралися
И поплыли по Тагиль рѣкѣ,
Выплывали на Турь—рѣку,
По Турь—рѣкѣ поплыли въ Епанчу—рѣку,
И тутъ жили до Петрова дня.
Еще тутъ ли управлялися:
Понадѣлали людей соломенныхъ,
И нашли на нихъ платье цвѣтное:
Было-то у Ермака дружины триста молодцевъ,
А ужъ съ тѣми стало больше тысячи.
И поплыли по Тоболь—рѣкѣ;
Во тѣхъ устьяхъ во Тобольскихъ
Собирались во единый кругъ,
Стали думать думушку единую:
Какъ бы имъ приплыть ко той горѣ Тобольской?
Верхнимъ устьемъ самъ Ермакъ пошелъ,
Нижнимъ устьемъ ли Асташка сынъ Лаврентьевичъ,
Выплывалъ Асташка на Иртышь—рѣку,

Подъ ту саму гору подъ Тобольскую.
 Загорѣлся тутъ у нихъ великий бой
 Со татарами со Котовскими.
 Быть татары въ нихъ съ той крутой горы,
 Стрѣлы какъ бы частый дождь летять,
 А казакамъ взять ихъ не можно,
 Бились день съ утра до вечера;
 Прибили татаръ казаки не мало число,
 А татары смотрѣть да дивуются,
 Каковы то русски люди крѣпkie,
 Что убить то ни единаго не могутъ ихъ:
 Каленыхъ стрѣль въ нихъ какъ въ снопики наливлено,
 А казаки всѣ живы стоять.
 Въ тѣ поры Ермакъ сынъ Тимоѳеевъ
 Восходить лукою Соусканской
 Во рѣку Сибирку, до устья дошелъ,
 Полонилъ Кучумъ—царя татарскаго.
 То услышавши, татары сократилися,
 И пошли къ нему, ко Ермаку, съ подарками,
 Понесли куницъ и соболей сибирскихъ;
 Принималъ Ермакъ у нихъ не отсылающи,
 А на мѣсто ихъ Кучумъ—царя
 Собапака утвердилъ татарина.
 А и жиль тамъ съ Покрова Ермакъ
 До Николина дни зимняго.
 Поубравшись со своими со казаками,
 Отъѣзжалъ Ермакъ въ каменную Москву,
 Къ Грозному царю съ повинною.
 Слѣзъ съ коня тутъ и пѣшкомъ идетъ,
 Потихоньку и почастехоньку,
 За собою всю силу ведеть;
 Подходилъ къ палатамъ царскимъ.—
 Ко тому крылечку красному.
 Было жъ то о самомъ о Христовомъ днѣ
 И изволилъ царь идти съ заутрени
 На колѣни паль Ермакъ тутъ предъ Грознымъ царемъ,
 Говорилъ самъ таковы слова:
 «Ой ты гой еси, надѣжа православный царь!
 Не вели меня казнити, вели рѣчъ держать.
 Я пришелъ къ тебѣ, Ермакъ, съ повинною.
 Мы, казаки, вѣдь шаталися, моталися
 По чисту полю и по синю морю,
 По синю морю Хвалынскому,

Разбивали бусы—корабли все неорлѣные;
 Да годилось на протокѣ томъ на Ахтубѣ
 Мимо нась идти послу персидскому
 Со солдатами и со матросами,
 И хотѣли отъ казаковъ поживиться,
 И напали на казаковъ своей волею;
 Только имъ казаки спуску не дали,
 И послы персидскаго устукали
 Со солдатами его и со матросами.
 А теперича, надѣжа православный царь,
 Приношу тебѣ повинную головушку,
 Съ головой въ гостинецъ—царство да Сибирское».
 И возговорить надѣжа православный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
 Ты лихой казацкій атаманушка!
 За твою за службу вѣрную
 Я тебѣ прощаю всѣ вины твои,
 А и жалую тебѣ я славный тихій Донъ».

Такъ народъ разсказываетъ о покореніи Сибири. Что прежде всего обращаетъ наше вниманіе и болѣе всего удивляетъ въ этой небольшой былинѣ, таѣ это историческая и географическая подробности. Намъ, Тобольскимъ жителямъ, лучше всего судить объ этомъ. Названія сибирскихъ рѣкъ—Чусовой, Жаровли, Серебряной, Тагили, Туры, Тобола,—мѣстечекъ—Мѣянки (въ былинѣ юрты Мяденски), луки Соусканской—все это болѣе или менѣе знакомо слушателямъ и каждому изъ насъ пріятно изъ устъ всего русскаго народа слышать знакомыя названія мѣстностей, по которымъ ходилъ Ермакъ, гдѣ онъ имѣлъ какое нибудь значительное дѣло. Если бы эта былина записана была въ Тобольской губерніи, то не было бы удивительно, какъ эти подробности могли сохраниться въ пѣсни въ теченіе 200 слишкомъ лѣтъ за 3000 верстъ отсюда въ Олонецкой губерніи. Что касается историческихъ подробностей, то значительная половина этой пѣсни шагъ за шагомъ позволяетъ намъ стѣдить за покорителемъ едва ли не съ большою точностью, какъ по историческимъ даннымъ. И все это народъ съумѣлъ выразить въ такой живой прелести изложения, что мы, слушая, какъ бы являемся свидѣтелями событий. Пѣсня съ живымъ интересомъ заставляетъ насъ трогаться судьбой Ермака. Онъ, набольшій изъ всѣхъ станишниковъ—разбойничковъ, боится отвѣта за

свое удающее ремесло,—боится, чтобы царь не отвѣтилъ ему такими же словами, какъ отвѣтилъ въ одной пѣснѣ удалому разбойнику: „Исполать тебѣ дѣтинушка крестьянскій сынъ, что умѣль ты воровать, умѣль отвѣтъ держать! Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую среди поля хоромами высокими, что двумя ли столбами съ перекладиной“. Вотъ и рѣшается Ермакъ заслужить свою вину предъ Грознымъ царемъ покоренiemъ Сибири. Кромѣ того въ этой былинѣ особенно обращаетъ внимание остроумная выдумка казаковъ надѣлать соломенныхъ куколъ, выражая этимъ ловкость и удачство русскихъ надъ дикими татарами, такъ что побѣждаетъ не количественная, а качественная сила, по пословицѣ: «семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ». Походъ оканчивается полономъ Кучума и тѣмъ, что Ермакъ приходитъ къ Грозному съ повинною. По исторіи извѣстно, что атаманъ Кольцо, а не Ермакъ, принесъ повинную и извѣстіе о покореніи Сибири.

Есть много и другихъ былинъ о Ермакѣ, но уже не съ такою историческою подробностью, и въ нихъ значительно преобладаетъ фантастический вымыселъ. Однако и самый вымыселъ для насъ весьма интересенъ потому, что выясняетъ, какое народъ придавалъ значеніе личности Ермака. Ермакъ представляется такимъ же дѣятелемъ за землю русскую, какъ и Илья Муромецъ. Онъ въ сознаніи народа является непосредственнымъ преемникомъ Ильи Муромца, самаго идеального и любимаго изъ всѣхъ богатырей, въ которомъ простой народъ олицетворяетъ свои лучшія свойства, свою нравственную физіономію. Недаромъ народная фантазія заставляетъ Илью служить русской землѣ чутъ не во весь періодъ древней исторіи въ продолженіе пяти вѣковъ. Съ нимъ неразлучно живетъ Владиміръ стольно-кіевскій, представляющій собой вообще князей русскихъ. Такою же живучестью отличается и Ермакъ. Онъ по былинамъ является не только побѣдителемъ сибирскихъ татаръ въ XVI вѣкѣ, но и вмѣстѣ съ Ильей Муромцемъ татаръ Батыя при осадѣ Киева въ XIII вѣкѣ. Только вмѣсто Батыя или Батыги Батыговича чаще попадается имя Калина царя; а Ермакъ представляется племянникомъ князя Владиміра, еще богатыремъ подросточкомъ—двѣнадцатилѣткомъ.

Калинъ царь, окруживъ Киевъ своими полчищами, посыпаетъ къ князю Владиміру татарина съ требованіемъ очистить для него палату княженецкую, подворья богатырскія. Владиміръ обращается къ помощи своихъ богатырей, но всѣ они, по наущенію Ильи Муромца, отказываются, раз-

считывая, вѣроятно, на то, что сила ихъ богатырская успѣть еще дать себя знать татарамъ. Тогда молодой Ермакъ замѣняетъ собою все богатырство.

А приходитъ онъ ко князю ко Владиміру

А бѣть челомъ поклоняется:

«А дядюшка, князь ты Владиміръ стольно-кіевскій!

«А дай мнѣ прощеныце благословеныице

«А изъ города изъ Киева повыѣхать!»

А проговорить князь Владиміръ стольно-кіевскій:

Ай же людимый мой племянничекъ,

Младый Ермакъ Тимоееевичъ!

А ты младешенекъ да ты глушешенекъ,

А бѣть роду тѣбѣ двѣнадцать лѣтъ,

А устрашишься ты вѣдь, ужахнешься

Силы войска татарскаго.

Не дамъ тебѣ прощеныца благословеныца.

А изъ города изъ Киева повыѣхать.

А спрограморить младый Ермакъ Тимоееевичъ!

Дядюшка, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

А ты дашь мнѣ прощеныце--повыѣду,

Аль не дашь мнѣ прощеныца,—повыѣду.

Выбравъ на конюшнѣ коня доброго, взявъ копье и палицу, онъ выѣзжаетъ изъ Киева, видѣть въ полѣ шатры, гдѣ расположились другіе богатыри, которыхъ упрекаетъ, что они тѣшатся забавляются, тогда какъ Владиміръ остался кручиновать, печаловать.

Затѣмъ Ермакъ повороть держаль

Пріѣзжалъ на гору на высокую,

Смотрѣль во трубочку подзорную

На ту на силу на татарскую;

Нагнано тутъ силы татарскія,

Что мать сыра земля колыблеется,

Колыблеется земля, погибается;

Померкло солнце красное

Отъ того отъ роду отъ татарскаго.

Разгорѣлось сердце богатырское,

Богатырское сердце молодецкое.—

Приправливаль онъ своего добра коня

Бо эту во силу во татарскую,

Заѣхаль молодецъ во середочку,

Началь онъ силушку ожливать:

Куды махнетъ палицей, туда улица,

Перемахнетъ--переуложекъ.

День онъ бьется, не ъдаючись
И добру коню отдыху не даваючись,
И другой день бьется, и другую ночь;
По третій день бьется, и по третью ночь.

Наконецъ Илья говорить своимъ товарищамъ: «думаemy мы думушку великую, какъ намъ приступить къ этой си-
лушки поганаго, а молодой Ермакъ бьется цѣлые суточки
не ъдаючись и не пиваючись». Вотъ и посылаеть Илья Алешу
Поповича, Добрыю Никитича одного за другимъ удержать
расходившагося Ермака: «ты-моль позавтракай (т. е. кровью
татарской), дай памъ пообѣдати». Ничто не помогаетъ. Илья,
какъ и всегда, приходится ъхать самому и наложить свои
храпы (т. е. руки) крѣпкие на могучие плечики Ермака.
Сдержавъ богатыри подросточка, онъ прижимаетъ его къ
ретивому сердечушку. По иѣкоторымъ варіантамъ это уже
поздо: молодой Ермакъ погибъ. Въ другихъ былинахъ Ер-
макъ остается въ живыхъ, но онъ добиваетъ татаръ уже
сообща съ другими.

На основаніи всего сказаннаго, можно сдѣлать то заклю-
ченіе, что въ обоихъ, любимыхъ народомъ, богатыряхъ, какъ
въ лицѣ Ильи Муромца, такъ и Ермака представляется исто-
рический образъ *само русскаго народа* въ его борбѣ съ вѣковыми
врагами—татарами,—и что оба они представители силъ про-
таго, народа въ борбѣ съ дикими племенами во все вѣка
нашей древней истории. Если Ермакъ живеть въ былинахъ
не только въ царствованіе Иоавна Грознаго, какъ атаманъ
вольницы, но и ранѣе татарскаго ига; то и Илья Муромецъ
служить русской землѣ не только при ласковомъ князѣ
Владимирѣ «красномъ солнышкѣ», но и при Грозномъ Влади-
мірѣ, т. е. московскихъ князьяхъ, когда онъ начинаетъ
запицывать «голей кабацкихъ», вольницу, т. е. казачество,
образовавшееся въ XV и XVI в. на берегахъ Днѣпра, Дона
и Волги вслѣдствіе тягостей государственныхъ. Въ послѣд-
немъ случаѣ Илья всегда называется въ былинахъ старымъ
казакомъ Ильей Муромцемъ, или даже донскимъ казакомъ.
Хотя часто тотъ и другой богатырь ставитъ себя къ князю
во враждебное положеніе, однако всегда они не прочь по-
стоять за землю русскую.—Кромѣ того эти былины свидѣ-
тельствуютъ именъ, что народъ принималъ живѣйшее участіе
въ историческихъ судьбахъ Россіи, умѣль по своему очень
вѣрно понимать ихъ и давать имъ мѣткую характеристику
въ своихъ пѣсняхъ.

Но не въ одной народной словесности славится имя

Ермака. Почти за сто лѣтъ тому назадъ Димитріевъ, такъ
остроумно смѣявшійся надъ одомашней въ сатирѣ «Чужой
толкъ», самъ не избѣгъ общаго увлечения и написалъ ложно-
классическую оду «Ермакъ». Чувство, выраженное этимъ
стихотвореніемъ, развито въ формѣ разговора между двумя
сибирскими шаманами—старымъ и молодымъ; только въ на-
чалѣ и концѣ авторъ говоритъ отъ себя. Вотъ вачало:

Какое зрелице предъ очи
Представила ты, древность, ми!
Подъ ризою угрюмой ночи,
При блѣдной въ облакахъ лунѣ,
Я зрю Иртышъ: крутить, сверкаетъ,
Шумить и пѣной подмываетъ
Высокій берегъ и крутой;
На пемъ два мужа изнурены,
Какъ тѣни въ адѣ заключены,
Сидятъ, склонясь на длань главой;
Единый младъ, другій съ брадой
Съдою и до чресль висящей;
На каждомъ вижу я парядъ,
Во ужасъ сердце приводящій.

Это—два шамана. Затѣмъ идея разговоръ шамановъ,
въ которомъ выражается горькая жалоба на паденіе Сибири.
И тутъ, между прочимъ, по обычаю ложноклассиковъ, Дими-
тріевъ представляетъ единоборство Маметкула съ Ермакомъ
и рѣчи того и другаго.

Маметкулъ говорить:
Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну
«Влачить мнѣ въ пѣнь».
И вмигъ па Ермака напалъ.
Ужасный видъ! Они сразились!
Ихъ сабли молнией блестятъ,
Удары тяжкіе творять,
И обѣ разомъ сокрушились.
Они въ ручной вступили въ бой:
Грудь грудью и рука съ рукой;
Отъ воня ихъ дубравы воютъ
Они стопами землю роютъ;
Уже съ нихъ сыплегъ потъ, какъ градъ;
Уже въ нихъ сердце страшио бьется,
И ребра обоихъ трещатъ:
То сей, то оный на бокъ гнется;
Крутятся, и Ермакъ сломилъ!

Ты мой теперь, онъ возопилъ:
«И все отнынѣ мнъ подвластно!»

—Замѣчателенъ и конецъ этой оды:

Миръ праху твоему Ермакъ!

Да увѣнчаютъ Россіяне

Изъ злата вылитый твой зракъ!

Но что я рѣкъ, о тѣнь забвена!

Что рѣкъ въ усердіи моемъ?

Гдѣ обелискъ твой? Мы не знаемъ,

Гдѣ даже прахъ твой быть зарыть.

Увы! онъ вепремъ попираемъ,

Или остыкъ по немъ бѣжитъ

За ланью быстрой и рогатой,

Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.

Великій! гдѣ бы ни родился

Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ

Твой подвигъ жизни совершился;

Хотя бѣ исчезъ твой самый прахъ,—

Хотя бѣ сыны твои, потомки,

Забывъ дѣянья громки,

Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ

И жили съ алчными волками:

Но ты великий человѣкъ!

Пойдешь въ ряду съ полубогами

Изъ рода въ родь, изъ вѣка въ вѣкъ,

И славы лучь твоей затмится,

Когда померкнетъ солнца свѣтъ,

Со трескомъ небо развалится

И время на косу падеть.

Слыша это, мы получаемъ совершенно противоположное впечатлѣніе, чѣмъ отъ простой былины. Здѣсь недостаетъ поэтической правды: все крайне напыщенно. Ермакъ представляется не казакомъ удалымъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ и какимъ представляетъ его народъ, а чѣмъ-то въ родѣ Александра Македонского, или еще того мало: Димитріевъ его возводить въ полубога. Но эта ода приводила нашихъ предковъ въ восторгъ. Многія мѣста этой оды вошли даже въ учебники риторики и пітики, напр. выраженіе: «Великій, гдѣбѣ ты ни родился!» Таковъ былъ вкусъ времени. Да и намъ, празднующимъ трехъ-сотлѣтіе подвига Ермака, не стыдно присоединиться къ ихъ восторгу.